

Павел Брычков

Поездка к детству

Кто-то из пишущих сказал: никогда не возвращайтесь в места, где провели детство: кроме печали и грусти, ничего вы там не найдете. Но я все равно поехал. Да и как было не поехать! В начале декабря получил письмо от любимой учительницы Разифы Хамзаевны Альматовой с приглашением на 70-летие школы, в которой я окончил восемь классов почти тридцать лет назад. Школа эта находится в деревне Новый Ашап, что как раз на середине пути между райцентрами Куеда и Барда на юге Пермской области. Да к тому же из Барды уже было два приглашения ранее, на конференцию по истории татар Прикамья и на праздник Барда-зиен по случаю 70-летия района. Приглашения те меня несколько удивили, ибо в Барде я никогда не жил и знакомых у меня там как будто не должно было быть. Хотя догадывался, что виной тому могла быть моя повесть о детстве, действие в которой происходит на лесоучастке, в трех километрах от Нового Ашапа, в этом самом Бардымском районе. Тогда я не поехал, так как приглашения опоздали. Откажись еще и сейчас, Бог знает, что могут подумать. Да и старшую сестру с отцом, которые в Куеде живут, давно не видел. В общем – ехать!

Только вот с деньгами беда. Зарплату привычно уже задерживали, и дело дошло до того, что из-за этого один сослуживец не смог поехать на похороны брата на Украину. Да что там Украина! Другой не смог на похороны родственника в Барабинск вырваться из-за того же безденежья. А тут еще недавно железная дорога цены на билеты повысила. Кое-как назанимал я нужную сумму и поехал.

Года три никуда не ездил, так что перемены на железной дороге сразу бросались в глаза и... в карман! Долго колебался, брать ли постель за три тысячи. Но в конце концов взял, все-таки сутки ехать. Поезд был знакомый «Барнаул–Москва», раньше № 195 был, теперь № 95, то есть стал скорым, чтобы за билет подороже. Хотя до Куеды идет столько же времени, сколько и раньше ходил. О чае, которым потчевали раньше три раза в сутки, никто уже не вспоминает. Благо, если проводник добросовестный попадется, то кипяток будет – пользуйся своей кружкой. Нашему плацкартному вагону не повезло, выше 60°C вода в титане не была. Удовлетворение от того, что досталась нижняя полка, скоро улетучилось: из окна на ходу так дуло, что пришлось голову в пальто закутывать. И еще скоро одно неудобство открылось: за перегородкой сорганизовалась пьяная компания. Мат-перемат, пытались даже закуривать, но после небольшого куражу все-таки выходили в тамбур.

Невольно вслушиваясь в их пустые разговоры и похвальбу одного из них, как он, будучи на службе в Германии каптером, загонял армейские шмотки, я вспомнил выражение Ивана Шмелева о схожем времени: «Россия нравственно завшивела». А взглянув на одного из этой компании, молодого толстомордого парня со свалывшимися волосами, распространявшего едкий запах бомжа, можно было подумать, что страна завшивела не только нравственно. Этого пьяного парня погрузили надо мной. Едва задремал – грохот: парень вместе с матрасом слетел со второй полки в проход. Погрузили второй раз, он опять свалился. Пришлось мне с ним меняться местами...

В Екатеринбурге вся компания вышла, и дышать стало легче. Кстати, Екатеринбург все поголовно называют по-старому: Свердловск. Оно и понятно: короче, да и иноземное «бург» отталкивает, а Яков Михайлович хороший псевдоним взял...

Через Урал всегда проезжаю с удовольствием. Тяжелые снега заострили ели, согнули молодые деревья... Красота воистину сказочная. Другого слова и не подберешь. И Куеда встретила невесомым тихим снежком, прикрывавшим пухом старый слежавшийся снег и колыхавшимся от малейшего дуновения колючим искристым разноцветьем, особенно на летном поле, возле которого стоял дом сестры.

Впрочем, бывшего, конечно же, летного поля. После нескольких лет катастрофы летавшие в Пермь Ан-2 исчезли, а летное поле стало зарастать травой, луговыми опятами и... особняками. «Начальство все, как с цепи сорвалось, все хапают, хапают, – говорит сестра, – а нам, пенсионерам, и дров не допросишься...» Она же мне сообщила, что автобусы в Новый Ашап тоже перестали ходить, и если кто-нибудь не поедет на своей машине, то я туда вовсе не доберусь. А пешком далековато – тридцать километров. Слава Богу, нашлись люди, которые тоже ехали на праздник. Это мои землячки: Альфина, Людмила и Полина, оканчивавшие школу на год позже меня. А привез нас к школе Ильяс, муж Альфины, уроженец Нового Ашапа.

Едва вошли внутрь, как попали в объятия Разифы Хамзаевны. И по этой ее искренней радости, непосредственности и улыбочности я узнаю прежнюю девятнадцатидвадцатилетнюю Разифу Хамзаевну, нашу любимую учительницу. Начались взаимные расспросы, воспоминания. На школьных фотостендах и в фотоальбомах находим фотографии своих классов и начинаем узнавание... Я с любопытством смотрю на себя самого (у меня почти нет своих детских фотографий), и мне кажется, что это не я, а кто-то другой, с густым чубом и в пионерском галстуке. К радости встречи примешивается чувство невыразимой грусти, которая начинает приходить всегда, когда рассматриваешь старые фотографии.

Грустно было и от того, что в здании школы, которую мы помогали строить тридцать лет назад, уже три года никто не учится. Сегодня школа находится в здании бывшего интерната, рубленного из еловых бревен. Когда переезжали, колхоз обещал построить новую школу, но тут грянул гайдаровский удар, и о школе никто не поминает. Тем более и колхоза не стало.

Колхоз, объединявший пять деревень, назывался «Труд», в лидерах не ходил, но и не из последних был. Поначалу разделились деревнями, а теперь вот в Новом Ашапе поделили и колхозное добро. Обо всем этом рассказывает Разифа Хамзаевна, пока мы идем по деревне к ее дому, ибо до вечера встречи еще четыре часа. Как разделили? Коровушек с фермы раздали за невыданную зарплату, а остальное по так называемым паям. С виду по справедливости, а на самом деле вышло так: кто был трактористом, тому достался трактор, кто шофером – машина, а вон у кого-то под окном присыпанный снегом стоит комбайн... «Моя доля в пилораме...» – смеется Разифа Хамзаевна. Муж же ее, по специальности тракторист, в последние годы сменил работу, и трактор ему не достался. О дележе говорит неохотно, и ни о каких паях не вспоминает: «Кто что схватил, тому то и досталось...»

В прошлом году из 800 га была засеяна лишь половина. Интересуюсь, собирается ли кто сеять по весне. Вроде человек двадцать объединяются, чтобы сеять, но что из этого получится, никто не знает. Ну и как же живут новоявленные единоличники? Кто как может. Кто пошустрее, лес в округе дорубает, срубами домов торгует, другие – просто дровами, большинство личным подворьем перебивается. Вот у Разифы Хамзаевны трое детей, живут на ее учительскую зарплату...

Задолго до начала торжественного вечера клуб был битком набит. Стояли даже в проходах у стен. А многие из гостей оказались в центре внимания районной прессы и районного телевидения. Взяли телеинтервью и у меня.

Так уж исторически сложилось, что в Бардымском районе преобладает татарское население, хотя местами русские и татарские деревни чередуются. Сколько помню, всегда районная газета выходила на двух языках, на двух языках велись и передачи по радио. Преподавали в школах на родном языке или, как в Новом Ашапе, на татарском и русском. Это нас, лесоучастковских ребят, учили на русском новоашапские учителя. И для меня этот небольшой кусочек российской земли – лесоучасток и Новый Ашап – навсегда останется примером гармонического сожительства людей двух национальностей. И я не помню и не знаю от других ни одного случая конфликта на национальной почве. Любой

праздник на лесоучастке был праздником и для Нового Ашапа, а все сабантуи в Новом Ашапе были среди главных праздников для лесоучастковцев.

Я не идеалист. И допускаю, что, может быть, сегодня в иных горячих головах и появляется мечта о Великом Татарстане или о Прикамской республике, но всегда пребывал и пребываю в уверенности, что простым людям делить нечего. И неразрывность, и общность эту я чувствовал и по тому, с какой гордостью произносились на вечере русские имена выпускников Новоашапской школы: Николая Каринкина – директора крупного завода на Урале, Веры Панкратовой – кандидата медицинских наук, и вашего покорного слуги... Или вот еще пример. Лесоучасток сегодня практически прекратил свое существование, лишь несколько семей пенсионеров осталось в нем. И в Новом Ашапе решили написать историю лесоучастка, собирают фотографии и материалы обо всех, кто там жил.

Главным и радостным сюрпризом была для меня встреча почти со всеми учителями, которые учили меня. Это и тогдашний директор Идеал Закиевич Закиров, по инициативе которого была построена в 1964 году новая школа, и историк Ханиф Назмиевич Тякин с женой Рашидой Ниязовной, нашей классной руководительницей, физик и математик Мидхат Юсупович Амиров и его жена Аниса Юнусовна, учительница немецкого языка. И я искренно радовался, глядя, с каким задором исполнили Мидхат Юсупович и Аниса Юнусовна национальный танец...

Несмотря на то что вечер задержался допоздна, никто из сельчан не расходился. Было много выступающих, много трогательных встреч, слез радости... И самыми часто повторяемыми словами были: «Бик зур рахмат! – Огромное спасибо!». Это – учителям, учителям всех поколений. Когда слово предоставили мне, от искренних аплодисментов и приветливости лиц в зале на миг перехватило в горле. Да кто я для них, подумалось, рядовой русский литератор, Брычков-малай, как называли меня в детстве некоторые из них, а вот, поди ж, знают и помнят... И лишь позднее пришла мысль, что я для них прежде всего ЗЕМЛЯК, то есть человек одной с ними земли...

Когда все учителя, и сегодняшние, и работавшие в Новоашапской школе в прошлом, вышли на сцену, она едва всех вместила.

А потом было застолье. Тосты в честь учителей, веселые и грустные воспоминания и песни. Песни-то мне больше всего и помнятся. Пели на татарском языке. Подхватили как-то все разом, дружно, хотя столы вытянулись во всю длину школьного коридора, под аккомпанемент трех баянов. Песни мелодичные, душевные, и слова в них о встрече и расставании, о надежде и о любви... И подумалось с горечью: а мы, русские, сможем ли сегодня вот так же дружно за большим столом в три баяна спеть какую-нибудь песню?..

Возвращались мы в Куеду поздно ночью, после долгого и трогательного прощания. На взгорках свет фар прорывался за высокие отвалы пробитой дороги и выхватывал из темноты заснеженные деревья. Когда проезжали мимо лесоучастка, почувствовал на душе острую грусть... Да, тот писатель был прав: встреча с детством приносит печаль, но печаль эта светлая... И чувствуя, как душа очищается от серой накипи жизни, я сказал себе, что приеду сюда еще раз. Обязательно приеду.

1995